

Б.А. Коломакина

**Мотив исчисления неисчислимого в сибирских сказках о животных
(на материале сказок алтайцев, бурят, хакасов)**

Аннотация. В статье анализируется мотив исчисления неисчислимого в сказках о животных алтайцев, хакасов и бурят. Выделяются основные компоненты, формирующие ядро данного мотива, а также проводится сравнение общих и выявление отличных компонентов мотива у разных народов.

It is reported about the motive of the calculation of the innumerable in tales about animals of Altai, Khakases and Buryats. Key components that form the core of this motive are outlined as well as a comparison of common components and identifying different things in the given motive of nations stated above is done.

Ключевые слова: подсчет, неисчислимо, ядро мотива, сказки о животных.

Counting, uncountable, the core of the motive, tales about animals.

УДК: 398.21.

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел.: (383)330-14-52. E-mail: albagira@mail.ru.

Цель нашей статьи – проследить мотив исчисления неисчислимого в сказках о животных алтайцев, хакасов и бурят. Анализируемый мотив весьма распространен в мировом сказочном фонде.

Описание мотива: персонаж подсчитывает число членов (объектов / субъектов) в двух группах. В этих группах количество распределяется поровну, но один член оказывается наделенным свойствами обеих групп. Отнеся его на основании выявленных признаков к одной из групп и тем самым обеспечив численное преимущество этой группы, персонаж доказывает свою правоту. Этот мотив можно сравнить с мотивом из «Сравнительного указателя сюжетов...» – 983*=AA *981 I, где он обозначен следующим образом: «Дворец из костей птиц: по желанию жены царь хочет построить дворец из костей птиц; одна птица не является, а затем, явившись, сообщает, что она считала, кого больше, так как те, кто слушаются женщин, сами хуже женщин; царь отменяет свое приказание» [1979: 252].

В мировом же сказочном фонде этот мотив присутствует у алжирцев: возлюбленная Соломона просит его сделать ей дом из яиц; тот велит всем птицам и рыбам принести яйца. Удод не явился, объяснив, что считал, длиннее день или ночь, больше мужчин или женщин (женщин больше, ибо требующий построить дом из яиц – не мужчина) [Березкин].

У калмыков жена Орла, царя птиц, говорит, что будет рожать на спинах птиц, для этого их всех надо связать за клювы. Орел просверливает птицам ноздри. Сова пришла позже всех, сказав, что выясняла, кого больше, живых или умерших. Если спящих считать за умерших, умерших больше; если мужчин во власти женщин считать за женщин, то их больше, чем мужчин. Царь все понял и отпустил птиц [Семь звезд 2007: 261–262]. В сказках абхазов жена Ажвейпша просит его сделать дом из костей птиц. Он созвал всех, Сова опоздала, сказав, что считала живых и мертвых, и когда прибавила к числу мертвых тех, кто слушал глупые советы жены, мертвых оказалось на одного больше. Ажвейпш распускает собрание [Бгажба 1983: 24].

В сказках манси жена Верхнего Духа говорит, что ему надо жить в доме, сделанном из костей всех животных и птиц, и он собирает животных и птиц, чтобы их убить. Сова спрашивает, кого больше, мужчин или женщин, и сама отвечает, что женщин, ибо живущий женским умом мужчина – сам женщина. Верхний Дух распускает зверей [Лукина 1990].

В сказках алтайцев этот мотив выглядит следующим образом. В сказке «Летучая Мышь» Мышь была проклята божеством из-за того, что не явилась к нему, когда оно вызывало всех птиц и зверей. В первый раз она сослалась на то, что сравнивала тяжесть камней и рыб; рыбы оказались тяжелее, поскольку к ним были причислены продолговатые камни; во второй раз она считала мужчин и женщин; женщин больше, если прибавить к ним мужчин с женским умом [Кандаракова 1988: 159–161].

В другой сказке «Рябчик» Дьайашы сначала создал большими всех птиц, но, когда его коня испугал взлетевший Рябчик и Дьайашы упал на камень, он решил истребить всех птиц. Дьайашы созвал их, но Рябчика привели лишь через три дня. За то, что Рябчик не явился сразу, мать Дьайашы советует убить его. Тогда Рябчик объясняет, что в первый день считал рыб и камни, рыб больше, если считать продолговатые камни рыбами; во второй день считал звезды и кочки, кочек оказывается больше, если считать и пни; в третий день считал женщин и мужчин, женщин больше, если к ним прибавить мужчин, поддающихся женским уговорам. Дьайашы понял, что он относится к женщинам, если за-

думал убить Рябчика под влиянием матери, и решил просто сделать его маленьким [Алтайские народные сказки 2002: 87–90].

Как мы видим, у алтайцев в этом сюжете также присутствует божество Дьайаши (в алтайских мифологических представлениях Дьайачы является верховным творцом, могущественным создателем, который властен над жизнью и смертью).

Этот сюжет представляет собой контаминацию двух сюжетов. К сюжету о подсчете присоединяется этиологический сюжет о рябчике, который был огромных размеров, но из-за того, что внезапно напугал коня, на котором ехало божество, был наказан им. Божество разорвало его на части, и с тех пор рябчик стал маленьким. Сюжет о рябчике встречается в фольклоре разных народов, в том числе и других сибирских (ханты, манси, кеты, северные селькупы, якуты, эвенки), но уже как самостоятельный.

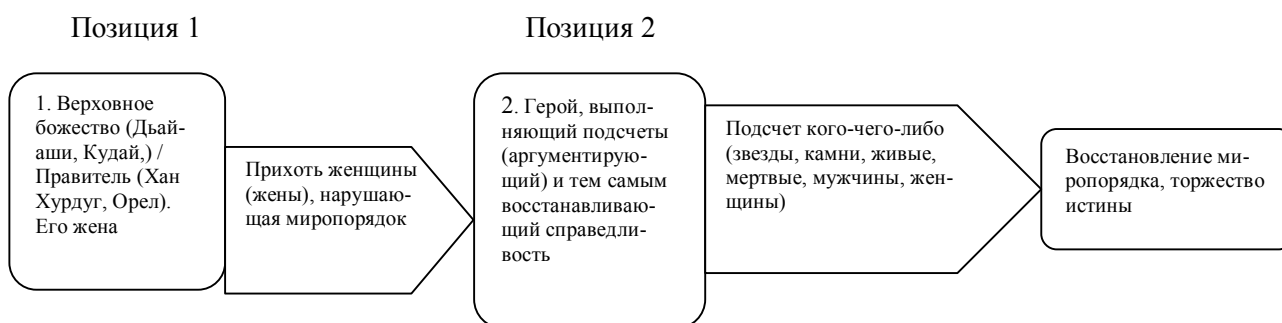
В бурятских сказках о животных мотив подсчета получает следующее развитие: Филин, жена птицы Хан Хурдуг, просит мужа собрать подданных, соединить их за клювы, чтобы они обмахивали ее летом крыльями. Сова прилетает последней, говорит, что слушала спорящих людей, которые обсуждали, чего больше – стоящих деревьев или упавших (наклонившиеся посчитали за упавшие, их больше); живых или мертвых (старых причислили к мертвым); ночей или дней (пасмурные дни посчитали за ночи); мужчин или женщин (попавших под влияние жен посчитали за женщин) [Бурятские народные сказки 2000: 88–89].

Таким образом, во всех этих мотивах основная мысль сводится к утверждению о том, что мужчина должен быть самостоятельным, не руководствоваться советами и желаниями женщины.

В бурятском тексте, содержащем этот мотив, присутствует Хан Хурдуг – птица орел, верховный вождь. В сказках и сказаниях бурят Хан Хурдуг называется еще и Хан Гароди, Хэрдиг Хан, Хан Хэрдэг. В этом персонаже прослеживается заимствование из индийской мифологии, где известен Гаруда, царь птиц, ездовое животное бога Вишну. В мифологии народов Центральной Азии Гаруди, как и индийский Гаруда, – огромная птица, вечно враждующая со змеями [Кузьмина 1995: 56]. Орла как знаковый символ можно считать одним из древнейших образов в мифах разных народов, не связанных между собой генетически. Универсальность этого образа, скорее всего, можно объяснить тем, что у людей на подсознательном уровне, независимо от их этнической принадлежности, возникают одинаковые ощущения и понятия об одних и тех же явлениях природы. По-видимому, этим можно объяснить одинаковое отношение к орлу разных народов.

Для анализа нашего материала мы «разложим» мотив на постоянные и переменные компоненты, что даст нам возможность увидеть различия в текстах разных народов.

Схематически структуру мотива в анализируемых нами сказках можно представить так:

Согласно концепции идентификации мотива через **ключевое слово** [Силантьев 2004: 84], нам представляется логичным обозначить анализируемый мотив как мотив **исчисления неисчислимого**. Изначально задается ситуация, когда невозможно провести какой-либо подсчет. В мотиве отсутствует прямая модальность, нет действия, но предлагается воображаемое исчисление: подсчитать звезды, камни и т.д. Персонаж путем аргументации склоняет верховного правителя к правильному с точки зрения сказки решению. По своему содержанию сказка в этой части близка к притче, и в то же время этот мотив сходен с общеизвестными мотивами чудесных задач.

Анализ второго компонента схемы показывает, что в качестве персонажей в текстах выступают птицы. В алтайских текстах герой, выполняющий подсчеты, – Рябчик. Н.П. Дыренкова отмечает, что в мифологии народов Сибири птица занимает одно из центральных мест. Приведем следующий миф алтайцев: когда все люди еще жили вместе, однажды поднялся ветер, разбросал их и лишил огня. Тогда каждому роду в отдельности огонь стали приносить разные птицы [Дыренкова 1929: 125].

Опираясь на этот миф, мы, предположительно, можем объяснить преобладание роли той или иной птицы в фольклоре: для каждого народа стала особенно символична и важна та птица, которая принесла огонь. Это вызвано тем, что огонь является жизненно необходимым, и люди испытывают благодарность по отношению к тому, кто снабдил их этим благом.

У хакасов в качестве героя представлена Летучая мышь. Она имеет много символических значений у разных народов, от положительной (русские) до отрицательной коннотации (украинцы, поляки). Хакасы зашивают ее под воротник, идя на суд. Этот обычай, как повествует хакасский миф, возник тогда, когда Летучая мышь успешно доказала свою правоту верховному божеству Кудаю.

В сказках бурят представлена либо Сова, являющаяся амбивалентным символом, либо Сыч. Последний почитаем многими азиатскими народами и так же, как и Орел, называется «царем птиц», но царем ночным. В этом смысле интересно противостояние героя и божества, ведь почти во всех анализируемых нами рассказах они находились на разных социальных ступенях. В данной сказке Орел (первая позиция – царь, верховный правитель) вступает в противоборство с фактически равным себе Сычом.

Социальные роли персонажей распределяются так:

Верховное божество

Роль правителя, главы государства, т.е. большой семьи.

Функция: хранитель традиций, контролирующий исполнение законов, поддержание миропорядка

Женщина (жена, мать)

Роль: иерархически ниже правителя, но выше подданных (членов семьи-государства). Помощник правителя, но только в делах простых, домашних, а не государственного масштаба. Не имеет права принимать собственные решения. Добиваясь своих целей, действует через правителя.

Функция: хранительница домашнего очага, поддерживающая благоприятные бытовые условия для правителя, продолжательница рода. Иногда она использует именно эту функцию в качестве воздействия на правителя. Пример из бурятской сказки: Сова, жена Орла, просит продеть в ноздри птицам шнур, посадить их в круг, а она станет в середине высиживать яйца.

Во всех проанализированных сказках наблюдается закономерность: наличие патриархального порядка, который пытается нарушить женщина. Нарушая его, она тем самым разрушает установленный миропорядок в социуме и гармонию в природе. Таким образом, сказка передает знание о правильной модели семьи, социума.

Герой (птица)

Роль: подданный, находится на низшей ступени.

Функция: восстановить справедливость, миропорядок, проявив сообразительность и смелость.

Центральным понятием, которое организует сюжет, является понятие счета, возникновение которого относится к глубокой древности. Измерение, как выявили исследователи, предполагает умение считать и требует дополнительно введения единицы измерения – меры измерительной процедуры, состоящей в сравнении измеряемого с единицей. С возникновением цивилизации потребность в счете и в умении выполнять арифметические действия резко увеличивается. При развитом общественном производстве регулирование таких видов отношений между людьми, как обмен, раздел имущества, налогообложение, требует знания арифметики и элементов геометрии. Эти знания были известны в древнейших цивилизациях. Присутствие процесса счета в сказках говорит о том, что общество на момент сложения этих сказок было уже достаточно развитым и в полной мере пользовалось разными приемами счета.

Основные компоненты, которые составляют ядро мотива, присутствуют во всех сказках, содержащих данный мотив. Они неизменны. Это:

1. Персонаж – *женщина* (жена, мать), которая в силу своего капризного характера «запускает» весь процесс поиска истины, не подозревая о неблагоприятном для нее исходе. С образом женщины связаны нравственно-этические понятия, свойственные тому или иному этносу. Для менталитета восточных народов возникает непреложное правило: мужчина не должен слушать женщину во всем, беспрекословно подчиняться ей.

2. *Счет*. Меняются подсчитываемые компоненты, но сам процесс счета как способ доказательства истины присутствует во всех анализируемых текстах.

В структуре мотива есть «переменные» компоненты. Эти «переменные» содержат в себе значения, символические для каждого отдельного народа. Однако возможны общие представления, свойственные мироощущению разных народов, которые прослеживаются в содержании сказок. Это проявляется на уровне персонажей и в содержании самого постулата, утверждаемого в сказке. К персонажам относятся:

1. Верховное божество (Дьайаши, Кудай) или правитель (Хан Хурдуг, Орел) (см. схему, позиция 1).
2. Герой, выполняющий подсчеты и тем самым восстанавливающий справедливость (Рябчик, Летучая мышь, Сова) (см. схему, позиция 2).

Интересен сам способ убеждения: здесь задействован архетип равновесия и гармонии природы. Подразумевается, что в ней всего должно быть поровну: живых и мертвых, женщин и мужчин, и т.д. Это соотношение является повторяющимся ядром и во всех других сказках. В них есть назидательный аспект: нельзя идти против природы, по прихоти женщины убивая птиц, прокалывая им клювы, и пр.

Следующий архетип, который прослеживается в мотиве, – главенствующая роль мужчины, правителя. Проанализированные сказки отвечают на вопрос, почему муж должен быть главнее, чем жена, и что будет, если поменять эти социальные роли.

В проанализированном мотиве, встречающемся у разных народов, просматриваются общие, сходные места. Позицию субъекта в хакасских и алтайских сказках занимает верховное божество. В бурятских сказках в этой позиции выступает птица, верховный правитель. Во многих проанализированных сказках позицию объекта занимают исключительно птицы. Количество подсчитываемых элементов в одной из групп обязательно должно быть больше. Что касается групп, то здесь четко видна символика чисел: групп либо одна, либо три. Группы могут быть переменными (содержательно), но почти всегда присутствует группа «мужчины и женщины», т.е. сказка нацелена на демонстрацию отношений между людьми и на утверждение этических и моральных норм.

Алтайские народные сказки / Сост. Т.М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. 455 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 21).

Бгажба Х.С. Абхазские сказки. Сухуми: Алашара, 1983. 318 с.

Березкин Ю.Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/.

Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/12469>.

Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые / Сост. Е.В. Баранникова, С.С. Бардаханова, В.Ш. Гунгаров, Б.-Х.Б. Цыбикова. Новосибирск: Наука, 2000. 304 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 20).

Дыренкова Н.П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири // *Культура и письменность Востока*. Баку: Издание ВЦК НТА, 1929. Кн. 4. С. 119–126.

Кандаракова Е.П. Алтайский фольклор: (Материалы по чалканскому диалекту). Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. 216 с.

Кузьмина Е.Н. Трансформация древнеиндийского мифа в фольклоре тюрко-монгольских народов / *Гуманит. науки в Сибири*. Сер. филологическая. 1995. № 4. С. 55–58.

Лукина Н.В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.

Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / Сост. Д.Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 415 с.

Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Языки слав. культуры, 2004. 296 с.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979. 437 с.

Штернберг Л.Я. Культ орла у сибирских народов: (Этюд по сравнительному фольклору) // *Сб. МАЭ*, 1925. Т. 5. Вып. 2. С. 717–746.

Элиасов Л.Е. Бурятские народные сказки. Волшебные-фантастические. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 385 с.